

Владимир Андерсон

БОРЬБА

Стальная
хватка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борьба

Владимир Андерсон

**Борьба: Стальная
хватка (книга пятая)**

«Автор»

2023

Андерсон В.

Борьба: Стальная хватка (книга пятая) / В. Андерсон — «Автор»,
2023 — (Борьба)

Пятая часть саги "Борьба". Митрополит Гузох, объявивший себя Папой Арханским, формирует новое крыло церкви, затмевая величие патриархата Невроха. В его теневой свите расцветает культ веры во всемогущество Черного Камня и всепоглощающая жажда овладения другими умами. Гора при помощи Кобры расширяет свою власть на два ключевых сектора группировки "Екатеринослав-Кременчуг". Но неудавшееся покушение на него похоже наносит неизгладимую рану на его психике и понимании свободы как таковой. В то время как "Отряд-14" разогревается новыми распрями, Болотников, собирая свой отряд маки, взывает к тем, кто готов пролить свою кровь за право жить свободно. Власть, предательство и месть принимают новые, неожиданные формы. Каждый персонаж балансирует на лезвии ножа свои идеалы и реальность. Станьте свидетелями этой эпической саги, где даже в самых темных уголках может загореться свет.

© Андерсон В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Префект	5
Инквизитор	9
Болотников	13
Ворон	15
Кошкина – Живенко	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Андерсон

Борьба: Стальная хватка (книга пятая)

Префект

Сон длился долго. Собственно, это был даже не сон, а какой-то другой мир, где все вокруг существует не таким, каким обычно привык его видеть. Мир, в котором жив и Рафаил, и рядом с ним его жена, и их ребенок. Уже подросток и смотрящий такими живыми и полными чего-то нового глазами. Того нового, что может дать ему его дед. Дед, до сих пор являющийся префектом.

Столько раз эти мысли кружились по кругу, и остановились они только на слове «префект». Да. Это он. И никто другой им быть не может. Никто другой не способен даже думать о том, чтобы быть на этом месте. Оно создано им, для него, и ни для кого другого. Все остальные лишь составные части, шестеренки того механизма, в котором он есть мозг. Без мозга ни один организм жить не может, и делом всего организма является прежде всего сохранение мозга. Погибнет мозг – погибнет и весь организм.

Где-то снаружи Гора почувствовал свет. Немного другой, не тот, что был до этого раньше в течение этого долгого времени. Более простой свет, не способный открывать глаза, а только чтобы не мешать рассмотреть... Глаза его стали открываться. А вместе с глазами и сущность. Та сущность, что не позволяла ему проиграть.

Вокруг он сразу же узнал стены спальни одного из своих кабинетов. Эти стены нельзя было не узнать – сектор «Диза». Его колыбель. Там, где он восстал из пепла, чтобы дать людям свободу и безопасность. Да, именно об этом же он думал тогда, когда начинал все это. Никто не должен погибнуть случайно. Или от рук чумов. Никто.

Потом правила стал определять он. И никто не стал погибать вообще. Ни от чьих рук. Он помнил это очень хорошо... Та смертность, что была до этого перестала существовать как данность. Люди очень быстро стали другими, перестав видеть смерть.... Иногда они даже стали драться друг с другом. Те самые люди, которые еще вчера могли быть убиты ни за что, вдруг внезапно разучились ценить жизнь свою и окружающих. Просто потому что они перестали видеть смерть... Гора, установив эти новые правила, забыл о кое-чем очень важном. Том важном, что он понял, пока был в другом мире, воскрешая из мертвых.

Он повернул голову и увидел двоих человек из своей охраны. Один из них, увидев очнувшегося префекта, тут же выбежал из помещения, а потом медленно подошел к нему. Это был Коля Лесин, когда-то бывший в его же 381-й some рабочих. Личную охрану Горы отбирали исключительно оттуда.

– Господин префект... – робко сказал он. По его глазам было видно, что он трепещет от одного взгляда живого руководителя целой группировки.

– Кому побежал докладывать твой напарник? – тут же спросил Гора.

– Доктору. – немного теряясь, ответил Коля. – Доктору Купавскому.

По крайней мере, пока все устроено как надо. Когда-то Гора распорядился их лучшего врача оставить в качестве практикующего для всего сектора, а не личного для себя. Квалификация его была слишком высока для того, чтобы он лечил одного только человека, а не несколько тысяч. Но времена очевидно менялись, и ему точно потребуется свой личный доктор. Которому, по понятным причинам, нельзя будет контактировать с другими пациентами.

– Дай мне свой пистолет.

Коля сначала оглянулся на него – крепко держащийся в кобуре ТТ-33 был дополнением к основному оружию охранных отрядов – АК-74СУ. Еще когда подразделения формировали

был выбор между тем, что им выдавать, как дополнение. То есть то оружие, которое, по сути, они использовать не будут, а, скорее, для статуса. На выбор были пистолет Макарова (ПМ), Токарева (ТТ) или Стечкина (АПС). И, хоть по всем показателям АПС был несравненно лучше всех остальных, тогда лично Гора выбрал ТТ – этот пистолет был легендарным, времен Великой Войны, и той власти, которую он считал образцовой для себя. Особенно теперь. Когда пережил очередное покушение на себя.

Получив пистолет, Гора вытащил обойму, проверил патроны, затем вставил ее обратно, аккуратно передернул затвор и положил его под подушку. Настало время, когда надо особенно думать о том, что оружие для его положения далеко не бывает.

Затем он, вытащив ноги из-под одеяла, положил их на пол. Силы в них чувствовалось немного, но она была. А большего ему и не требовалось. Рядом стояла капельница с воткнутой в него иглой, которую он аккуратно вытащил и воткнул в матрас. Поднявшись, Гора подошел к шкафу, в котором была его одежда, открыл его, выбрал свой китель почти без знаков отличия, разве что с шефроном Самоуправления, состоящего из здорового клыка посередине и перекрещенных рабочих кирк. К кителю такого же темно-коричневого цвета брюки и черные сапоги.

К тому моменту, как он успел надеть сапоги вернулся второй охранник и доктор Купавский. Оба смотрели ошарашенно, хотя доктор пытался этого не показывать:

– Господин префект, Вам нельзя сразу так много двигаться, мы делали несколько переливаний крови, давление после такого очень нестабильно.

– Благодарю, доктор. – префект приставил себе на вторую ногу сапог и, подныкнувшись, накинул на себя китель. – Теперь Вам надо будет изучать и анализировать мое здоровье все то время, что Вы здесь находитесь. Не отвлекаясь на что-то и кого-то. Считайте это Вашими постоянными и единственными обязанностями с этой минуты.

Гора подошел к своей кровати, вытащил пистолет из-под подушки, и посмотрел на него – да, для начала надо бы взять кобуру, так с ним в руке не очень-то солидно везде ходить:

– Коля, дай мне пока свою кобуру. В течение дня получишь себе новую.

Префект вышел из спальни и оказался в своем рабочем кабинете: рабочие стол и стул, шкаф, напичканный оружием, тумбочка с документами и здоровенное полотно с изображением автономии. Это его. Принадлежит ему. И никто другой не будет в состоянии этим пользоваться.

– Сколько сейчас охраны присутствует за дверью? – спросил Гора у Лесина, который выходил последним из троицы, оставшейся в спальне.

– Вся ваша охранная рота. Сто двадцать человек.

– Отлично. Без моего ведома никого не впускать. И найдите мне Тихомирова...

Сидя за своим рабочим столом, Гора осознавал правильную для него на данный момент реальность. Та власть, что он получил не так давно, стала давить на него своей массой. Причем вовсе не снаружи, как он того ожидал – все эти неловкие потуги извне вроде попытки прорваться инквизиторам в сектор «Корса» с поверхности или обстрел ремонтной бригады возле сектора «Диза». Все это детские игры по сравнению с тем, что происходило в той реальности, которая обволакивала его.

Эта реальность управления своим окружением. Ближним и дальним. И сейчас, если ближнее окружение, было в относительно контроле путем давления его заслуженного авторитета, то дальнее, народ, было весьма распушено. Люди знали Гору, понимали его характер действий и жесткость в принятии решений и их исполнения. Но все преимущества на этом заканчивались. Ведь его не боялись, как когда-то боялись чумов.

Да, он был единоличным обладателем власти нескольких производственных объектов и даже определенной части поверхности над ними. Да, его приказ был непререкаем и един-

ственно, чему подлежал, так это исполнению. Да, все были уверены в стратегичности его мышления и твердости воли. Да, все боялись перечить или даже делать вид, что им что-то не нравится... Но уже никто не боялся его. И потерять ведь из-за этого тоже не боялись.

Та безопасность, которую дал им префект, расценивалась уже как что-то само собой разумеющееся. Как данность, которая может быть и будет без него. И именно этот посыл стал порождать неверные мысли. Ошибочные мысли. Опасные мысли. Те, которые не должны были быть по определению, но которые образовались, потому что надо было чем-то заполнить вакуум страха. А раз нет другого страха, то этот вакуум заполнится легкомыслием.

Да, именно ведь и бывает. Когда люди чего-то боятся очень долго. Это что-то исчезает, перестает давить над ними, и они начинают считать, что они справились. Причем сами. А раз сами, так они будут способны справиться с этим еще раз, если оно возникнет. И они расслабляются. Это и есть то самое легкомыслие, которое возникает на месте вакуума, где раньше был страх.

Вот оно. Откуда взялось это и прошлое покушение. Никто из народа не боялся потерять вождя. Не боялся остаться один на один с тем, чему раньше противостоял вождь. Ведь они стали считать это за пустяк. Никчемный пустяк, с которым справляется никчемный вождь, которого никто не боится... Людям очень свойственно принимать доброту за слабость, и именно это отношение вызывает необходимость стать для них страшным безжалостным деспотом, который не ценит ни их жизнь, ни их отношение, ни их потребности. Потому что теперь их потребностями и их жизнью станет железная необходимость сохранить жизнь вождю. И их отношение станет настолько ничтожным по своей значимости, что о нем просто забудут...

Теперь просто нельзя быть добрым и заботливым, оставаясь живым. Либо придется пожертвовать жизнью, либо этими качествами. И люди сами не понимают, как важно пожертвовать вторым, чтоб сохранить в том числе и их жизнь. Ничто так не требует безопасности, как необходимость сохранять прежде всего жизнь. И ничто так не требует страха, как сама безопасность, которую без страха просто не ценят. Не видят, что она есть. Не хотят понимать, что она и есть та жизнь, которая у них есть.

В дверь постучали. Сначала зашел Лесин с докладом о прибытии Тихомирова, и только потом зашел сам Тихомиров после одобрения его входа. В нем что-то явно изменилось, что-то очень глубоко внутри, но это изменение, скорей, удивляло, чем настораживало. В этом чем-то не было какой-то конкуренции для него – словно сменился внутренний стержень, что, вероятно, заставляло его самого действовать по-другому. Это отражалось и в глазах, и в манере двигаться и даже в манере дышать.

– У нас много новостей, господин префект, – сразу начал Тихомиров.

– Присаживайся и давай по порядку. Начни с того, кто это был? Кто пытался всадить мне нож в горло?

Тихомиров присел на стул напротив Горы. Было видно, что ни страха, ни сомнений в нем нет. Только заранее выверенные шаги. Коих уже в его голове помещалась не одна тысяча.

– У нас только версии, господин префект. В сознание он так и не пришел, а цеплять не за что...

– Не придется его цеплять. Это ни к чему. Организуй публичную казнь через повешение.

– Господин префект...

– Я знаю, что ты хочешь сказать. Но нет. Это тоже ни к чему. А вот казнь его очень даже кстати. Пусть все полюбуются.

– Как прикажете, господин префект.

Гору все впечатляли качества человека, которого он когда-то выглядел из толпы. Он явно прогрессировал, причем очень быстро. Пока непонятно было, почему это происходит, но его результативность обнадеживала.

– На вот лучше посмотри на новый свод законов, которые я распространю на этой неделе. – Гора протянул ему лист бумаги, на котором были от руки написано по пунктам «Права и обязанности Самоуправляемой территории». – Изучи прямо сейчас.

Права и обязанности Самоуправляемой территории

Каждый ответственен своей жизнью за жизнь своего начальника

Невыполнение приказа своего начальника считается актом саботажа и карается на усмотрение начальника вплоть до смертной казни, утверждаемой только префектом

Сотрудники организации СМЕРШ вправе досматривать, задерживать и применять любые меры физического воздействия, если того требует необходимость, в отношении любого гражданина Самоуправляемой территории

Префект имеет право награждать, миловать и казнить любого гражданина Самоуправляемой территории без объяснения причин

Все усилия и меры, принимаемые гражданами, должны быть направлены исключительно на выполнение воли префекта

Никто не вправе даже в мыслях ставить под сомнение правильность действий префекта.

Открытое непринятие воли префекта считается актом саботажа

Тихомиров продолжал держать в руках этот лист бумаги, читая его, и даже глазом не моргнул, когда закончил это делать:

– Большинство из этих мер фактически я уже утвердил, господин префект. Здесь нет лишних слов, кроме одного. В последнем пункте слово «открытое» все же лишнее. Если в предыдущем пункте мы считаем, что и в мыслях нельзя быть против, то и саботажем мы тоже должны считать преступление даже в мыслях. Знаем мы об этом или нет, а должны считать преступлением.

Гора посмотрел на бумагу, затем на Тихомирова, затем слегка утвердительно покачал головой:

– Да. Ты прав... Слово «открытое» здесь ни к чему.

Инквизитор

Эта камера была еще меньше, чем то, где он сидел несколько дней назад. Эта вмещала в себя вообще лишь койку и помойное ведро. Ему вообще казалось, что надзиратели имеют какое-то особое отношение к ведрам – их нельзя просто выносить, чем-то прикрывать или хотя бы изначально наливать туда воду. Они неприкосновенно кроме того момента, когда ты в них испражняешься. Видимо, как-то так это выглядело в их голове.

Это была камера ШИЗО – штрафного изолятора, куда отправляли заключенных, нарушивших что-то грубо, либо по несколько раз. Жрец нарушил несколько раз – был в форме одежды, которая не по уставу. У него была растегнута одна пуговица на воротнике и по одной на каждом рукаве, плюс ко всему рукава были закатаны. На первый раз его вынесли выговор, на второй – отправили в изолятор.

Конечно, он пытался убедить их, что в этом нет никакого злого умысла. Что пуговица на воротнике растегнута, потому что иначе воротник сдавливает ему горло, и тяжело дышать. А рукава и вовсе нормально не застегиваются. И что вообще вся тюремная форма ему мала. В ответ он слышал, что и застегнуть-то ему не проблема, что делает так иногда тот во время проверок, что и с рукавами тоже самое, что все это грубые нарушения дисциплины.

И снова он пытался говорить, что, действительно, технически застегнуть он может, но не более чем на пару минут, пока проходит проверка. Что и делает-то он это только для того, чтобы в его действиях не находили злого умысла, которого в нем нет.

На что ему в очередной раз сказали, что именно и есть злой умысел в том, чтобы после ухода проверки демонстративно возвращать все назад в неправильное положение, и что раз ему по-хорошему непонятно, так придется понять по-плохому и посидеть в изоляторе.

С помойным ведром, и двумя квадратными метрами свободного пространство. Вот, все, на что ты можешь рассчитывать, Ваше Преосвященство Самох...

Не прошло и нескольких часов, как в следом за ним, в камеру напротив подселили все того же душевнобольного, способного орать и днем и ночью без устали. И в очередной раз вдобавок к едкой вони от собственных же фекалий и мочи, добавился звуковой аккомпанитмент из помещения напротив.

В первый такой день Самох не заснул, и весь будущий день провел в бесконечных стараниях не заснуть, то и дело кляня носом в каждую минуту. Периодически в камеру заглядывал надзиратель и стучал дубинкой по решетке с одной стороны намекая на то, что он все видит, и стоит только прикрыть глаза чуть дольше, чем на время моргания, так он тут же доложит о нарушении – заключенный в ШИЗО спит в неположенное для этого время. А с другой стороны подобное внимание вселяло некоторую уверенность в Самохе – он продолжал понимать, что вся эта чертова конструкция тюремной администрации заключения возможно создана вокруг него, чтобы добиться от него чего-то. Это понимание не позволяло в нем потухнуть чувству собственной важности перед окружающими – так необходимое в условиях, когда нет никаких прав ни на что.

В эту же он заснул. Сил не было ни на что, и даже крики из камеры напротив со временем слились в такой фон, что это перестало мешать. Снилось в этот раз его бура негласного ресурса и Рамбанхр, который стоит во главе ее. Для начала они избили до полусмерти Гузоха, затем вывели несколько чумов из СЧК и расстреляли их, затем приволокли саму Ананхр и стали глумиться над ней, обзывая выскочкой и шлюхой, работающей своим сладким местом. При этом во сне нельзя было нормально увидеть ее реакцию или хотя лицо. На этих криках сон закончился, Самох очнулся и услышал, что это вопли из камеры напротив. А было так легко ощущать возле себя присутствие боевого подразделения Церкви...

Через день штрафные дни в ШИЗО закончились, и Самоха снова отвели в его обычную камеру, где стоял сломанный унитаз все с лежащим в нем дерьмом и, разумеется, роем мух над ним. В этот день не предполагалось выходить из камеры, кроме как для вечернего построения и проверки, и если бы не постоянный спутник из камеры напротив, которого также освободили из изолятора и приволокли обратно. К нему было, по всей видимости, такое же отношение как и к священному ведру в ШИЗО – его нельзя было трогать, что-то менять, обращать внимание надзирателей и вообще единственное, что полгалось с ним делать, так это переводить с одного места на другое причем в строгом соответствии с местонахождением митрополита. И если ведро по понятным причинам было обычным, то это уникама без сомнения выкопали из какой-то другой тюрьмы и поместили в эту, чтоб одной известной персоне было не скучно.

На вечерней проверке, где Самох, полагая, что не следует возбуждать к нему очередную ненависть незастегнутыми пуговицами, решил немного потерпеть и привел все в видимый порядок еще до того, как стали открывать камеры. Выглядел он, конечно, как ряженный клоун в одежде на несколько размеров меньше его. И несмотря на то, что при проверке замечаний к нему не было, спустя минут пятнадцать после нее в камеру в срочном порядке вломилась несколько сотрудников тюрьмы, которые зафиксировали очередное злостное систематическое нарушение в форме одежды, влекущее за собой, разумеется, новое переселение в ШИЗО. Второе по счету.

Там даже не успело ничего поменяться, включая, безусловно, и ведро с помоями, которое стояло в прежнем виде на прежнем месте. Про то, кого в считанные минуты должны будут привести в хоромы напротив, сомневаться не приходилось. И уже более того, если бы этого не произошло, то Самох посчитал бы, что готовится что-то еще более жуткое. Поэтому когда горлопан появился, это уже в некотором роде его успокоило.

В эту ночь практически даже не так плохо спалось, хоть и ничего не снилось. Сил, как и до этого не было совсем, поэтому сам процесс сна получился равным в мгновение – закрыл глаза и почти сразу их открыл. Открыл от того, что надзиратель постучал ключом по решетке – традиционный способ поднимать с утра для изолятора.

И несколько удивляло, что до сих пор Самоха не водили ни на какие допросы или иные следственные мероприятия. Что его содержали здесь просто для того, чтобы довести до определенной кондиции, и, полагая, что она еще не достигнута, дожидались своего часа.

Второе посещение ШИЗО было не столько продолжительным – всего один день. И митрополита повели обратно. Но на этот раз не в его камеру, а в двойку, где вначале никого не было. Помимо этого в камере на входе стояла не решетка, а тяжелая стальная дверь с отктывающимся для подачи еды окошком. Унитаз тоже работал, и показалось, что эти условия в разы лучше предыдущих. Самоху даже подумалось, что им просто надоело над ним издываться, и наконец дать ему передышку, чтоб потом удвоить силы в новом этапе. Но он ошибся.

Через полчаса к нему подсадили заключенного, которые был не просто болен чем-то, а прямо-таки излучал бациллы и микробы. Он сразу лег на койку, еще даже при надзирателе, и тот не помешал ему в этом, при том, что в дневное время разрешалось только сидеть. В помещении два на три метра не заразиться от такого соседа было нереально, и уже к вечеру Самох почувствовал, как изнутри у него начинается жар, а в глаза появляется темнота, и все тускнеет.

Ближе к отбою больного из камеры забрали с громким уведомлением о том, что тому необходима госпитализация по причине болезни коронным вирусом – тем самым, которые периодически появлялся то в одном уголке Империи, то в другом. Вообще история с этой болезнью казалось была закончена, но периодически появлялись новые очаги, которые быстро локализовывалась, предотвращая распространение. И не было сомнений, что этого больного эсчекисты притащили из свежего региона, где сформировался новый штамм вируса.

Самоха начало тошнить, а учитывая, что он практически ничего не ел, то наружу ничего не выходило. Еще до отбоя он свалился на койку и заснул полулежа. А с утра к нему ворвалась проверка после официального подъема. Они решили устроить его не в шесть тридцать утра, а на полтора часа раньше, и охранник ходил и стучал по дверям камер ключом, пробуждая заключенных. По всем дверям, кроме камеры Самоха, который и не проснулся. Проверка зафиксировала новое злостное демонстративное нарушение порядков СИЗО – надо же продолжать делать вид, что спишь после официального подъема, да когда надзиратель будил каждого лично, да когда это не имеет смысла, ведь все равно же не сразу, так через пять минут поднимут силой. Ничего другого, кроме как СИЗО придумать было нельзя, и митрополит снова отправился туда. На этот раз уже больной.

Его самого ни в какой госпиталь, как того, кто его заразил, отправлять, разумеется, никто не собирался. Мол, там же ведь он только позаражает выздоравливающих чумов. Что и так он только и делает, что нарушает вечно все их лояльные понятно написанные нормы, а тут еще и физический вред окружающим нанесет. Позже Самох узнает, что тот больной, что провел с ним в камере несколько часов, лежа на своей койке, был осужден за убийство своей сестры и ее подруги у них дома в процессе недельного запоя – прям вломился к сестре домой с требованием что-то объяснить, а потом воткнул нож ей в горло и после задушил ее подругу. Для него надзиратели посчитали, что более необходимо заботиться о его здоровье путем госпитализации.

Третье посещение СИЗО отличалось от предыдущих двух разве что наличием жара в теле и постоянно мутным сознанием. Самох регулярно клевал носом, сидя на койке, и окружающие в виде орущего вечного спутника и время от времени стучащего ключом по решетке надзирателя за один только день слились у него в какое-то одно существо, которое целенаправленно пытается отторгнуть от него рассудок. В итоге где-то к вечеру по нему кто-то стукнул дубинкой – сначала по плечу, потом по ребрам. Потом по ребрам еще раз.

От этого еще сильнее затошнило, а в висках сквозной иглой заиграла боль, но все же он поднялся. Встал на ноги и тут же свалился. Стошнило какой-то жижей, видимо, желчным соком. После чего стало немного легче, хоть и ненадолго. Надзиратель все требовал встать, и непонятно для самого митрополита как, но ему это удалось. Крикнув что-то прямо в упор, эсчекист вышел и запер за собой решетку.

Самох снова свалился на койку и, даже не пытаясь устроиться как-то поудобнее, провалился в сон. Ему снился Неврох. Наконец, кто-то, кто давал ему верные советы, у кого он учился поражать своих врагов и взвешивать свои силы прежде чем действовать.

– Есть человек, который очень опасен для нас. – говорил ему патриарх. – Человек, а не чум. Который опасен для нас более, чем кто-либо другой. Не будь дураком, как другие, не думай, что люди слабее нас просто потому что мы их когда-то победили. Нельзя недооценивать своего врага – за это очень дорого приходится платить... Нельзя недооценивать своего врага. Нельзя недооценивать своего врага...

Последние лова кружились по карусели вокруг сознания Самоха. Среди ночи он проснулся, помня этот сон. И тут же вспомнил другой, где Базанхр с генеральскими погонами говорит ему про самоуверенность, тщеславие и бахвальство. Это ведь все идет из-за ошибочных представлений о своем противнике. Противнике, который теперь всеми силами стремится сломать его и заставить молить о снисхождении.

– Не будет снисхождения. – вслух прошептал митрополит. – Не будет ничего кроме одного. Костров святой Инквизиции, которая заставит трепетать всех только при одном своем упоминании.

Он почувствовал внутри себя жар еще больший, чем тот, что был в нем, когда он заразился этим вирусом. Жар, выжигающий всю болезнь, всю слабость, всю нерешительность.

Глаза его словно начали оживать, и тут он стал начинать четко видеть все вокруг. Вместе с тем и слух стал возвращаться к нему. А затем и крики из камеры напротив.

Самох задвигался. Боль пронзила виски от одного к другому, немного затошнило и вроде бы стало сложнее дышать. В глазах моментально потемнело, но он все равно продолжил двигаться. И ощущения реальности закрепились сильнее, чем боль.

Было темно, так как ночью только одна лампочка в начале коридора освещала проход, но заключенного в камере напротив было хорошо видно.

Поднявшись митрополит подошел к дверной решетке, продолжая неотрывно смотреть на источающего крики сумасшедшего. Подняв одну руку и направив ее ладонью на него, Самох сказал:

– Благословляю тебя на исцеление, сын мой... Только вера Жах вылечит тебя...

Болотников

Эта бестолковая неспособностью людей становится лучше, чем они могут быть. И та злость, с которой они встречают любые попытки что-то изменить. Сразу считают тебя врагом. Еще большим врагом, чем тот, кто на самом деле заставил их жить хуже и делать себя хуже. И слабее. Какие все-таки трудные грани у этих двух слов.

Слабее и сильнее. Если мы позволяем себе меняться, то это сила, меняющая что-то, или слабость, позволяющая меняться? Или наоборот, это сила, оставляющая нас прежними, или слабость, не дающая возможность изменить ошибку на правду?

У полковника Болотникова сейчас не было ответов на эти вопросы. Он просто вел те самые 10% людей, которые приняли новые изменения, и согласились быть свободными вопреки воле большинства. Всего около семисот человек. А ведь как на них еще смотрели, когда они уходили. Им даже пытались выкрикивать фразы вроде «слабаки», «сломленные» и даже «проклятые», последнее даже прижилось среди них самих. Когда Болотников дал им возможность выбрать имя для нового отряда маки, каковым они теперь являлись, то все в итоге согласились на этом слове, и теперь это стал батальон «Проклятые».

И ведь как точно выбрано. Они действительно были проклятыми теми, кто остался. Кто не захотел уходить. Кто не захотел дать себе возможность быть свободным. И взять на себя за это ответственность. Вот это слово для Болотникова вообще стало чем-то вроде красной тряпки для быка. Он сам вечно брал на себя ответственность, будто это подарок, а не ноша, которую придется таскать на себе.

Именно это слово так сближало его со всем его новым отрядом. И все видели, что их командир тот, кто такой же проклятый, как они. И которому некуда отступать, у которого, как и у них, также сожжены все мосты позади. Захоти даже вернуться, и тебя растерзают по прибытию просто даже за то, что ты не сдох, когда был без них. Вот эту ненависть уж ни с чем не спутаешь.

Когда люди, отпустившие кого-то, начинают из всех сил желать страданий, боли и смерти тому, кого отпустили. Внешне говоря о том, что это закономерность – естественное положение ошибочного решения, которое было в отношении них. А внутренне понимая, что если у этого человека что-то получится, то это будет означать, что они сами не правы.

А быть неправыми, прежде всего, для самих себя они позволить не могут. Потому любое возвращение будет трактоваться ими как победа своего мнения и своего уклада жизни, а значит необходимо покарать тех, кто отрицал в этом, сопротивляясь. И это же будет означать полную отмену каких-то рамок в наказании за это, ведь наказываемый будет априори бесконечно виноватым.

Батальон «Проклятых» двигался от сектора «Арха» к Полтаве, чтобы затем выйти к Харькову. Там должна была быть небольшая база «Отряда-14», и Болотников ожидал встретить кого-то из своих, чтобы хотя бы узнать последние новости, и в каком статусе он сам сейчас находится: дезертира, предателя или еще кого-то. Его, откровенно говоря, не сильно беспокоило то, каким словом могли его назвать, сколько судьба самого «Отряда-14», который в его понимании со свержением Хмельницкого пошел ко дну. И вот оставалось только узнать, где это дно, и как на нем себя будут вести его бывшие однопольчане.

Да и как дела у Миши с Наташей, тоже было немаловажно. Все же близких друзей почти не осталось. И чем меньше их оставалось, тем дороже становились те, кто еще есть. Ведь терять бесконечно друзей не получится. Бесконечно можно только сохранять их память...

И особенно сейчас ему было интересно спросить, снится ли им тот же сон, что и ему. Ведь среди «проклятых» такое никому не снилось. Он спрашивал у нескольких, а потом как-то спросил и на общей поверке вечером. Ему нечего было стесняться или стыдиться, что его не так

поймут или решат, что он сбрендил. Эти границы он уже давно прошел, и единственный для него критерий был – практическая польза от чего-либо, а не то, как это выглядит со стороны.

Никто не смеялся и не переглядывался косо – просто никому не снилось ничего подобного. Как он стоит на краю роши и видит, что посередине этой роши, где все озарено светом, стоят девушка и парень в нарядных белых одеждах. «Только вместе с Марией ты сможешь открыть тайну Черного Камня», – лишь слышно с их стороны.

Ворон

«У него там человек, который подорвет себя вместе со всеми, если будет такой приказ», – эти слова маячили в голове Ворона, когда стоял в коридорах возле основного зала в здании администрации сектора «Диза». Разумеется, его вместе с сопровождением из 120 бойцов пропустили люди Кобры, указали правильные дороги, где надо провели мимо минных заграждений, и теперь ему оставалось лишь нажать кнопку связи с лифтером, который отвезет его вниз.

Но он помнил эти слова Кобры на совещании. Там, где он говорил, что власть префекта совсем другая, нежели власть внутри подразделений хиви. И пусть хиви лучше воюют, но приказы префекта шахтеры исполняют так, будто над каждым исполнителем висит Дамоклов меч, который разрубит пополам за малейшую провинность.

«Подорвет себя, если будет такой приказ», – снова услышал внутри себя Ворон. Ему до конца не верилось, что кто-то из живущих вокруг смог дойти до такого уровня контроля подчиненных. Уж сколько трудов он лично прикладывал, чтобы держать дисциплину среди своих. И казнили чуть ли ни за что, и держали в ямах неделями, и пообщари семьи погибших. Но чтобы добиться такой исполнительности... Нет. Это похоже на что-то невозможное. И при всем при этом живой человек, который это организовал вот прямо здесь. В сотне метров под землей... Если он, конечно, и правда еще жив, как говорят...

Но раз согласился его принять, то жив. По-другому быть не может. Тем более жив, раз установил, что встреча может быть под землей. Теперь его оттуда не выкуришь. Уж если он там такое покушение пережил, так не выкуришь. Собственно, покушение-то не первое...

А прошлое-то организовал он. Хотя и понятно было, что оно не получится. Да и парня того просто в расход надо было. Дальше входа-то он и не прошел. Странно, что вообще до туда-то добрался. По задумке, его на подходах должны были рубануть, а префекту только доложить о некоторых странностях. А он аж лифт прошел... Впрочем, такой никому ненужной мелочи-то лифт и не слишком уж сложно было проскочить...

Надо было лишь рассорить Гору с Коброй. Сразу было заметно, что они слишком уж там на пару будут работать. А это усиление Кобры, тем более где-то со стороны, такому опытному политику как Ворон было вовсе не нужно. Уж он-то знает, как важно следить за тем, чтоб колосья не выходили из ряда вон, а были как все. Чего нельзя сказать про Кобру. Выбил-таки. И инцидент с неудавшимся киллером не сильно помог. Зато вон у кого-то другого сработало непдох. Что аж непонятно теперь точно, жив префект или мертв...

Да нет, жив, конечно. Иначе бы не согласились бы они меня принимать. Нашли бы хоть какую причину и сказали бы, что не вовремя, сейчас нельзя и все прочее, что обычно сочиняют, когда не положено выдавать правильный ответ. Так что Гора жив, и он ждет внизу. После этого треклятого лифта, где его человек как зомбированный может все рвануть просто по команде.

Ворон выдохнул воздух, чтобы немного расслабиться. Давно с ним не было такого, чтобы он настолько не решался что-то сделать, тем более то, что уже решил. Эта демоническая составляющая власти Горы становилась какой-то вседавливающей, всеохватывающей, пронизывающей все насквозь...

Кто там говорил, что дни хиви сочтены с того момента, как Гора получил самоуправление? Шакал? Да-да, тот самый хитрец-перевертыш, которого мы не успели сами торжественно расстрелять на глазах у всего руководства хиви... Но раз он предатель, так еще не значит, что не прав. В его словах есть, действительно, весомый смысл. Власть Горы кардинально отличается от власти хиви, у которых нет своего костяка, структуры организации, которая есть у него. При этом подземной организации, куда войти-выйти можно только строго по разрешению. Где и Солнца не видят каждый день, а только тогда когда позволят. Где Солнце для них – префект, который с позволения чумов делает с ними, что хочет. А, как оказалось, еще и решает жить

или не жить за них, как хочет... Нет, это совсем не хиви, которые сотню лет бряцают оружием, а по-серьезному друг с другом договориться не могут...

Ворон нажал на кнопку связи, и ему тут же ответили...

В планах было отправить сначала первый взвод, затем второй, затем спуститься самому вместе с третьим, а четвертый оставить на поверхности. Но указания от префекта поступили в разрез с этим пониманием. «Только 20 человек и не более» – это сказали с низу по средствам связи, и было понятно, что либо с этим придется согласиться, либо просто уйти. Ворону пришлось согласиться.

Он встал рядом с лифтером, понимая, что так он больше сможет контролировать, а, возможно, даже о чем-то договориться если что-то пойдет не так. Кроме того, его, действительно, разбирал интерес, что может внутри ощущать человек, постоянно готовый к смерти.

– Меня зовут Ворон. – начал командир хиви, понимая, что хоть с чего-то придется начать, разговаривая с этим человеком. – Я командир хиви. Знаешь о нас?

Лифтер был достаточно опрятно одет, рабочая одежда на нем была чистой, ровной и ухоженной. Выглядело так, будто он любил и свое дело, и одежду, и даже собственную жизнь. В глазах не было ничего ужасающего, разве что немного поражала глубина мысли, исходящей из них, словно ему было очень много лет, хотя по возрасту явно чуть за двадцать. И абсолютно не удивляло, что левая его рука постоянно находилась в кармане штанов – все, как и прежде Кобра.

– Знаю. У нас все знают хиви.

– Скажешь мне свое имя? Мое ты знаешь...

– Имя?... Того имени, которое было у меня раньше, уже нет. Его носит призрак... Когда-то меня звали Кирилл. Но теперь это имя ничего не значит для меня. Лишь осколок прошлого...

– Почему? Разве управлять лифтом не достойная мужчины работа?

– Ооо, еще насколько достойная. Именно потому и прошлое имя не имеет значения... И мы называем его не лифтом, а клетью. Не знаю уж ходят ли лифты на такие расстояния...

– Понимаю. Действительно глубоко. Я думал, тут спускать на несколько сот метров...

– Больше, чем на километр. Наша шахта одна из самых глубоких в мире.

Ворона немного передернуло. Наступило такое ощущение, что он и правда спускается в преисподнюю к самому дьяволу, с которым сам же и затеял разговор.

– Так выходит ты не лифтер, а как? Клетевой?

– Да, клетевой. И имя теперь Клеть мне к лицу... Пока живет клеть, живу и я. Пока я живу, живет и клеть. Это очень важная должность на шахте, потому как другой связи с внешним миром нет. Мы заходим и выходим все только через клеть и никак по-другому. И я очень горжусь, что мне это доверили...

– А уголь поднимают тоже через клеть?

– Нет, это скип. Он поднимает уголь наверх, и там внутри нет людей – только уголь. Им заведуют другие люди, и мне даже нельзя там бывать.

Ворона стало немного удивлять, что этот человек хоть каким-то образом, но всегда отвечает на его вопросы. Будь он на месте Горы, так запретил бы напрочь общаться его подчиненным с кем бы то ни было посторонним, не то чтобы рассказывать про устройство чего бы то ни было. И, учитывая, что префект явно был не из простых, то должен был быть какой-то смысл в том, чтобы не отдавать среди своих подобный приказ. Но уж тут нечего было стесняться, а спрашивать почти прямо.

– А ты никогда не хотел перейти к маки или кому-то еще вроде нас, если б была такая возможность?

Кирилл слегка отрицательно покачал головой, немного поджав губы:

– Нет... Не может быть лучшего руководителя, чем наш префект. Просто не может быть. И мне очень повезло родиться здесь, чтоб оказаться в его подчинении... Знаете, Ворон, я иногда даже не могу в это поверить... Я мог родиться где угодно. В любой шахте. В любом производственном секторе. Но я родился здесь. В секторе «Диза», откуда родом сам префект...

Ворона слегка пробила дрожь. Он пытался не показывать, но был уверен, что насколько это заметно. Вид этого человека в некотором роде сводил с ума, его глаза, манера говорить и то, с каким чувством он все это рассказывал. Перед ним стоял фанатик, видимо, добровольно продавший душу дьяволу и теперь восторгающийся этим. Откуда такое могло взяться, и что вообще надо делать с людьми, чтобы они начали так думать и даже боготворить своего командира, было загадкой. Но самые жуткие опасения похоже оправдывались – эти люди готовы были смело отдавать свои жизни не просто по команде, а, возможно, даже выпрашивая эту команду. Может быть, там не все такие, но раз хоть кто-то есть, то смело можно утверждать, что со временем их будет большинство, а уж через год, если не раньше, другого типа людей там и не найдешь.

И теперь очень хорошо понятно, что почему Гора не запрещает и ни с кем говорить. А зачем? Пусть рассказывают о своей преданности, ничего ж другого у них в мыслях нет. А никакие тайны им, очевидно, и не доверять. Про все это устройство шахты, и так узнать не проблема. Там уж явно ничего не менялось с 20-го века. А когда люди чувствуют себя более свободными, так и намного легче промывать им мозги – они будут считать себя добровольцами, а все идея своими собственными, которые просто кто-то озвучил для них же, обернул в словесную форму, чтобы сделать их жизнь проще.

Шакал ведь предупреждал. Еще как предупреждал, хоть и с неким роковым тоном, что подобное случится. Что Гора со временем будет только расширять свое влияние и как снежный ком притягивать все новые и новые территории и людей под свою власть. И как много оказалось идиотов, что спорили с этой точкой зрения просто потому что ее озвучил предатель. Наверно, этот предатель теперь смеется во всю глотку, когда видит, что мы это проморгали. И смех его похоже скоро будет слышен, когда мы окончательно прибудем в ад.

– Понимаю, Кирилл, понимаю... Префект, действительно, выдающийся лидер. И хорошо, что мы с вами на одной стороне.

Клетовой слегка, но весьма уверенно кивнул, в то время, как в его глазах по сути горел огонь гордости за себя, шахту и своего вождя.

КПП, а теперь железная дверь перед входом в кабинет префекта и вовсе выбили все сомнения из головы Ворона в том, что тут заседает сам дьявол. Сразу по выходу из клетки всю его группу остановили, а далее пропустили лишь самого Ворона и одного с ним, обыскав и отобрав у обоих оружие. Остальным велели остаться у входа.

Все люди на шахте были словно зомбированные. Они прошли по нескольким коридорам, затем мимо главного перекрестка, из которого, по всей видимости, можно было попасть и в сектор забоя и к транспортному пункту подземных путей сообщения. За все это время не попался ни один рабочий, который бы хоть с каким-то интересом посмотрел на гостей. Они только отходили чуть в сторону, чтобы не мешать пройти, еще только завидев бойцов охранного подразделения префекта, которые смотрели сами во всех глаза и на рабочих и на гостей.

На КПП возле, видимо, их штаба обыскали еще раз и, пропустив, сказали ожидать возле двери самого кабинета префекта. Ожидать возле последней двери вышло почти полчаса. И Ворон уже был уверен, что это специально. Что Гора заставляет его ждать просто чтобы ждать. Чтобы было понятно, что никакой торговли внутри не будет – могут быть только просьбы, которые префект рассмотрит по своему желанию. Но этого было мало – сама атмосфера казалась настолько мрачной и ужасающей, что хотелось лишь бы унести отсюда ноги. Без договоренностей, без понимания чего-либо, а просто чтоб остаться целым.

Интересно, а Кобра также оставял свою охрану у входа, также сдавал оружие, также ждал перед дверью, пока не позовут? Сдавалось, что нет. Что тогда были несколько другие времена. Такие, когда можно было себе получить хорошенькое место в этом раскладе, и Ворон бы его получил, если бы не был так самонадеян и кичлив на свое положение, расценивая Гору, как временное и не жизнеспособное явление... И вот, какую цену теперь приходится за это платить...

Наконец, его позвали внутрь. Он уж думал, что теперь и его помощнику прикажут остаться на месте, но нет – ему тоже разрешили войти.

Внутри стояло несколько человек с разных сторон от стола, еще по одному с каждой стороны от входной двери. У некоторых из них одна рука была за спиной, без сомнения удерживая в скрытой руке оружие. Ближе всех к префекту стоял намного моложе всех остальных человек в камуфляжной, а не черной, как у всех остальных, форме. Видимо, второе лицо этой автономии – Тихомиров. Выдержанный и хитрый, именно таким его обрисовывали осведомители. Сам Гора сидел за столом с весьма строгим выражением лица, чему особенно придавал красок здоровенный плакат сзади него с изображением огромного клыка и двух кирок, пересеченных под ним – символ Автономии «Донецк-Макеевка».

– Вы можете присесть на стул напротив, – сказал тот, что был справа от двери.

Стул, стоящий прямо напротив стола префекта выглядел в каком-то роде, как место для допросов, хоть и без пристрастий. Но другого, видимо, и не ожидалось. Человек, руководивший всем этим явно не собирался демонстрировать, что ему здесь кто-то может быть равен. Командир хиви присел на стул.

– Вы заставили меня ждать, господин префект, – начал Ворон, и тут же, поняв, что начало не столь подходящее, продолжил. – Надеюсь, это не признак того, что Вы за что-то наточили на нас зуб?

– Вы ждали, господин Ворон. – Гора отвечал, даже не моргая, не злобно или грозно, а как сам дьявол, объясняя суть вещей продавшему ему душу человеку. – Потому что на то был мой приказ. И ничей больше. И Вы уже прекрасно поняли, что здесь ничто не делается без моего согласия. Вы хотели поговорить со мной лично. И теперь у Вас есть эта возможность. Я свое слово держу.

Ворон немного поерзал на месте, потом сказал:

– Мне бы хотелось быть с Вами предельно откровенным. Потому я сразу спрашу. Вы считаете нас друзьями?

– Вы прикрываете наши позиции на поверхности. Мы осуществляем добычу сырья для Империи. При таком раскладе, кем мы Вас считаем, и наоборот не имеет никакого значения. Или у Вас другое мнение?

– Нет, я согласен, господин префект. Полностью согласен... Тогда перейдем к делу... Делу касательно Ваших новых приобретений. Сектора «Саппо» и «Арха».

Префект и глазом не моргнул. Ни согласия, ни внутреннего удовлетворения от собственных успехов, ни жадности, ни подозрительности. Он просто сидел и смотрел на него взглядом человека, у которого все есть.

Ворон продолжил:

– Сейчас прикрытие, как и здесь осуществляют подразделения Кобры, но достаточных сил на это у него нет. Случись действительно серьезное нападение, и Вы, господин префект, можете потерять «Саппо» или «Арха», просто потому что сил для прикрытия недостаточно. Не говоря про технику, коей в моем подчинении куда больше, нежели в подчинении Кобры.

Префект продолжал спокойно смотреть, лишь изредка потирая рука об руку. Его явно не страшили ни какие-то возможные нападения маки, ни тот факт, что у хиви где-то не хватит сил. Ведь у него самого теперь сил достаточно, и это внешнее прикрытие не так уж и нужно – скорей просто, чтобы свои силы не тратить.

Ворон уже стал сомневаться сам в своем предложении, но все равно договорил:

– Учитывая, что у нас есть информация о подготовке новой атаки маки на сектор «Арха», мы предлагаем заменить охрану периметра на мои личные подразделения, а отряды Кобры целиком сосредоточить на семи секторах «Донецк-Макеевка».

– Вы будете руководить своими подразделениями на месте лично?

Вопрос был более чем неожиданный. Какая, собственно, ему должна быть разница? Он желает сохранить свои приобретения или что? Понятно, чьи подразделения, и понятно, кто за ними стоит. К чему рисковать своей шкурой? Он сам бы не стал так делать... Вот именно потому и задал этот вопрос. Лис подземелий. Знает, что хочет. Откажешься, так и покажешь, что не так это и принципиально терять-получать. А согласишься – так ему не ровня. Свою жизнь надо ценить выше всего. Иначе и править будет некому. Вот, к чему он клонит. И соответствующий выбор поставил.

– А Кобра там руководит лично. И как по мне, это посильней смотрится, чем то, что Вы предлагаете, господин Ворон. Впрочем, если Вы все же надумаете заявиться туда самостоятельно, то я определенно поддержу Вас в этом.

Тут даже спорить было не о чем. Он же и ведь и не отказывал в чем, а просто сказал, что текущее представление не поддерживает. И с намеком на то, что Кобра сам там будет решать, покидать ему позиции или нет – «посильней смотрится». Кобра-то действительно больше харизматичный, чем расчетливый. Он свою жизнь не пожалеет, если встанет вопрос о его авторитете, и иногда такая политика дает свои плоды, как сейчас.

Стоя и смотря на окружающее Ворон решил, что больше он в такой ситуации не окажется – приходить куда-то с предложениями да еще и находиться при этом в положении, когда тебя могут шлепнуть без некролога, а потом всем сказать, что тебя и не было здесь. Он в каком-то роде надеялся, что Гора все же окажется более уязвим и слаб после покушения, опасаясь за свою власть и жизнь, а на деле оказалось, что он только сильнее тут пустил корни, и будет теперь лишь укрепляться, цепляя к себе все окружающее.

– Рад был встречи с Вами, господин префект, – сказал Ворон и вышел, не дождавшись ни ответа, ни какой-то реакции на его движения со стороны наблюдавших за ним охранников, способных в случае чего легко застрелить. Он знал, что хоть и не в силах что-либо сделать, но хотя бы сохранить лицо придется – его предложение отклонили, теперь предлагать он уже ничего не будет. Будет лишь ждать, когда с предложениями придут к нему. И таких времен вполне можно дожидаться.

На поверхности было свежо и солнечно. Ворон никогда не думал, что эти два фактора будут для него настолько весомыми. Уж сколько времени он просидел в бункерах и блиндажах разного рода. Уж сколько дней подряд не видел ни Солнца, ни Луны, и это не казалось ему каким-то испытанием – лишь составной частью безопасности.

Но сейчас, находясь в окружении своей личной гвардейской роты возле главного административного здания сектора «Диза», он чувствовал, что вылез из преисподней, где все вокруг давило так, что хотелось чуть ли не застрелиться, лишь бы освободиться от этого. Нет, этот человек определенно очень опасен. Еще год назад Гора был только намеком на какую-то роль в Славянской колонне, теперь похоже становится так, что это будет сила, с которой придется считаться всей Империи.

Кошкина – Живенко

После перехода, который длился всю ночь, всё новообразованное подразделение Хмельницкого остановилось на лагерь вблизи города Лиман, почти 30 километрах от Северодонецка. Им пришлось двигаться по достаточно сложным участкам местности, и, оказалось, что совсем не зря – разведчики, отправленные в разные стороны, докладывали о близком расположении к ним боевых неких подразделений. Не было сомнений, что это хиви, и что они постепенно захлопывают, созданный в Северодонецке капкан.

Хмельницкий бы сам так сделал на их месте. И он даже говорил об этом прямым текстом Зубкову. Уж как не хотелось ему помогать, но столько лет собираемый Отряд-14 и цели, ради которых он собирался, были куда выше, чем важность того, кто будет этим руководить. И всё же расчёт оказался не верным – Зубков отказывался верить в серьёзность ситуации. Он говорил, что это слишком далеко от основных точек снабжения противника, а с наступающей скоро зимой это будет попахивать самоубийством.

В итоге самоубийство похоже удалось, но не для хиви. Те, кто остался верен новому Главному, или не хотели признаться самим себе, что некогда прогадали, бросив на произвол судьбы тогда Хмельницкого, вставшего на защиту Болотникова. Или имели какие-то свои виды на будущее Отряда-14. Как бы то ни было, но теперь из всех 20 тысяч у Хмельницкого были лишь его беглые штрафники да несколько отдельных взводов. Всего численностью менее тысячи человек. Остальные же медленно, но верно приближались к гибели.

Зато в этой тысяче Хмельницкий был уверен. Это были верные и преданные делу люди. Получилось, что теперь людей в двадцать раз меньше, чем было, но в реальности он полагал, что их останется раза в два меньше. И теперь он был в куда лучшем настрое нежели ещё пару дней назад. Тем более, что теперь задачи были куда более ясными, и с ними все были согласны. Для начала найти Марию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.